

Милитаризация государства

Милитаризация современного российского государства очевидна. Наиболее это заметно в двух сферах: финансовой и идеологической. Что касается финансов – речь идет об увеличении доли военных и правоохранных расходов в федеральном бюджете (около 30% в бюджете-2005). Что касается идеологии – весьма характерно высказывание зам.главы президентской администрации о том, что мы живем в состоянии войны, когда линия фронта проходит через каждую улицу и каждый дом. Имелась в виду война с терроризмом, но в той же логике можно воевать с наркомафией, коррупцией, олигархами, националистами, бедностью и пр.

Вместе с тем, существует еще одно измерение, которое во многом поддерживает первые два – это милитаризация государственного аппарата и политической элиты.

Плох тот генерал, который не мечтает стать губернатором

В первую очередь люди в погонах – выходцы из армии, КГБ\ФСБ, иных правоохранительных структур – осуществляют экспансию в отношении высших государственных должностей. Здесь перевес, безусловно, в пользу представителей госбезопасности, которые возглавляют большую часть силовых ведомств, включая Министерство обороны и МВД. Та же тенденция - выстраивания «силовой вертикали» внутри исполнительной вертикали - затрагивает территориальные органы власти. Во-первых, это полномочные представители Президента в федеральных округах: поначалу среди них был лишь один гражданский человек, Сергей Кириенко, затем ситуация слегка разбавилась условно штатским Ильей Клебановым.

Что касается губернаторов, то значительная часть губернаторов «путинского призыва» - генералы (адмиралы) в отставке (9 в 2000-2004 гг.). Здесь армия и госбезопасность представлены уже в почти равных пропорциях. Что еще более важно, представители силовых структур являются видными кандидатами на региональных выборах: даже там, где они не становятся губернаторами, они избираются в Государственную Думу, в региональные законодательные органы, тесня привычных региональных промышленников и представителей классической номенклатуры. Достаточно характерный пример – Михаил Гришанков в Челябинской области, но таких примеров много.

Наконец, существенно увеличивается представительство силовиков в Совете Федерации: после перехода к новому механизму формирования верхней палаты в 2000 г. их количество возрастает, достигая сегодня 15% от общего состава российского сената.

Приведенная ниже таблица показывает динамику процесса. Отметим, что по некоторым, более радикальным оценкам, доля «явных и скрытых силовиков» (формулировка «Новой газеты») в российской политической элите составляет 70-77%.

Доля военных в элитных группах (%) []						
	Высшее руковод- ство страны	Правите- льство	Региональ- ная элита (главы субъектов Федера- ции)	Парламент		В целом по когорте
				Верхняя палата	Нижняя палата	
Горбачевская когорта, 1988 г.	4,8	5,4	0	4,7		3,7
Ельцинская когорта, 1993 г.	33,3	11,4	2,2	2,8	5,3	11,2
Ельцинская когорта, 1999 г.	46,4	22,0	4,5	7,3	6,8	17,4
Путинская когорта, 2002 г.	58,3	32,8	10,2	14,9	9,4	25,1
Путинская когорта, 2004 г.	43,5	34,2	9,2	18,3	18,3	24,7

Данные О.Крыштановской (Институт социологии РАН) с сайта gosnom.narod.ru
(Для сравнения: доля бывших и нынешних «людей в погонах» в составе совершеннолетнего населения страны оценивается в пределах 6-10%)

Абы кого не берут в замминистры

Разумеется, политические и административные элиты не ограничиваются людьми, которые всегда на виду. Однако тех, кто менее заметен – заместителей министров и начальников служб, руководителей департаментов и управлений и их заместителей, - и считать сложнее. Вместе с тем, именно на этом уровне решаются многие «технические» и кадровые вопросы, оказывающие решающее влияние на государственную политику. По существующим оценкам, только в гражданских (несиловых) ведомствах на этом уровне бывшие военные, контрразведчики и милиционеры составляют 30-35%. Иными словами, каждый третий федеральный чиновник «второго эшелона», - на практике, разумеется, их меньше в министерстве соцзащиты и больше в министерстве экономики и в ведомствах, связанных с информацией и с деньгами.

Как минимум десяток федеральных инспекторов, *представляющих* представителя президента в субъектах РФ, также попали на должность вскоре после завершения или приостановления военной либо полицейской карьеры.

Еще менее очевидно проникновение бывших военных (и здесь уж именно военные, без оговорок и экивоков) на средний этаж государственного и муниципального управления, в качестве советников, помощников, главных и ведущих специалистов. Сколько-нибудь вразумительная доступная статистика вряд ли существует, но во многих регионах целые отделы комплектуются недавно вышедшими в отставку подполковниками, полковниками и майорами, а уж их присутствие среди заместителей начальников управлений, глав небольших муниципалитетов, заместителей глав – явление повседневное.

Так ли это важно?

Та же Ольга Крыштановская, известный специалист по российским элитам, считает, что главная проблема с присутствием во власти силовиков – их «инструментальный» стиль мышления. Иными словами, служба в военных и военизированных подразделениях приучает ставить конкретные задачи, а если задача поставлена – искать простые и конкретные способы ее решения. Более глобальное, стратегическое видение, оценка верности и адекватности задач, учет контекста – всему этому опыт военной и полицейской службы учит мало. Разумеется, подобные качества могут быть присущи любому человеку, независимо от наличия или отсутствия погон, образования и опыта, - но если речь идет не об отдельных исключениях, а о влиянии военизированной социализации в целом, подобный эффект очевиден. Проявление подобного стиля мышления мы видим на примере большей части недавних реформ: есть намерение проводить их в жизнь последовательно и жестко, сами реформы тоже предельно конкретны, но из них часто исчезают интересы многочисленных групп людей, да и конечная цель не всегда ясна.

Другая сложность связана с существующим мифом о том, что только люди в погонах могут, наконец, навести в стране (в департаменте, в отделе, в муниципалитете) настоящий порядок. Любой человек, служивший в советской \ российской армии, подтвердит, что образцом порядка она не была никогда; другое дело - за минуту навести минутный же порядок перед приездом начальства. Судя по доступным данным, это не специфика именно российской армии: в любой стране вооруженные силы, спецподразделения могут упорядочить передвижения больших масс людей, дисциплинированно решать простые конкретные задачи, но с точки зрения повседневного управления – ничуть не более упорядочены, чем любая гражданская структура. Более того: современная жизнь вообще, правительственные реформы в частности, постоянно требуют нетрадиционного подхода к решению управленческих задач. Простые, однозначные меры и решения все чаще позволяют «запороть дело», а не решить проблему.

Наконец, если этот порядок будет наводиться, возникает естественный вопрос: для кого? Большинство кадровых военнослужащих, работников правоохранительных органов, за прошедшие 15 лет научились всему: приспосабливаться, выживать в условиях мирной жизни, договариваться, идти на компромиссы, воровать... Как, впрочем, и большая часть населения страны. В этих условиях трудно себе представить, что большинство из них более преданы высоким идеалам, чем остальная часть общества.

Между тем, армия, служба в МВД, ФСБ\КГБ и других сходных ведомствах безусловно учит одному: подчиняться быстро и автоматически. Проблема «преступных приказов» и их выполнения существует преимущественно в армии не только потому, что в результате могут погибнуть люди. Дело в том, что в гражданских структурах большая часть преступных приказов просто не выполняется! Любой здравомыслящий бюрократ всегда найдет способ обойти такой приказ, не подставляя себя. У силовиков сложнее: дисциплина довлеет, отговорок меньше.

В связи с этим вспоминается случай из личного опыта. Когда я служил срочную рядовым, как-то оказался в увольнении в городе. Навстречу шел какой-то младший офицер, я, как законопослушный молодой солдат, отдал честь. А офицер засмотрелся в сторону и заметил меня краем глаза лишь когда мы поравнялись. Он вытянулся в струнку и зашагал строевым, - прошел шага три, прежде чем сообразил, перед кем демонстрирует выправку.

Разумеется, у нынешних полковников в отставке такого внешнего автоматизма гораздо меньше, чем у бывших курсантов начала восьмидесятых. Но, благодаря опыту службы, гораздо больше внутреннего. Нельзя сказать, что все они сидят и ждут команды «сверху». Но если команда поступит – многие, как и предписывает общевойсковой устав и множество других, сначала выполняют его а, затем, если будет время и желание, станут оценивать.

И это, по большому счету, гораздо более серьезно, чем военный бюджет, которому далеко не только до советского, но даже и до ельцинского начала девяностых; это даже более серьезно, чем поиски врага, к которым за последние 500 лет мы уже привыкли.